

— Не то чтобы ненавижу, — Е Цзинли поднялся со стула и потянулся, отчего его ехидная улыбка стала какой-то ленивой, — просто мне доставляет огромное удовольствие видеть, как они попадают в беду. И я прикладываю все усилия, чтобы постоянно вставлять им палки в колеса.

Потянувшись, он почувствовал приятное расслабление и, опустив взгляд, встретился глазами с Ли Цзинчэнем:

— Не находишь меня ужасным и извращенным?

Ли Цзинчэнь с легким сожалением отвел взгляд, хотя в памяти отчетливо запечатлелась та самая гибкая талия с рельефными мышцами, о которой он только что думал.

— Есть немного, — кивнул он.

Однако ни по выражению его лица, ни по тону нельзя было сказать, что он действительно считает собеседника ужасным или извращенным.

С двусмысленной улыбкой, напоминающей то ли флирт, то ли провокацию человека, который обожает раздувать пожар, Е Цзинли внезапно подался вперед к сидящему на диване Ли Цзинчэню и протянул к нему сжатый в кулак кулак.

— Проведем блиц-интервью: каково это — через секунду после того, как надел кольцо, обнаружить, что твой парень — извращенец?

Взгляд Ли Цзинчэня по привычке скользнул по протянутому кулаку, задержался на серебристом кольце на безымянном пальце, а затем поднялся по руке прямо к сияющим глазам Е Цзинли.

— Можешь испытать это на себе...

Что?

Едва слова сорвались с губ, Е Цзинли почувствовал, как его запястье крепко перехватили. Мощный рывок — и он, не успев даже дернуться, оказался прижат мужчиной к дивану.

Когда к нему вернулась способность соображать после внезапного головокружения, обе руки уже были зафиксированы над головой.

А внизу, у самого бедра, отчетливо чувствовался жаркий источник опасности, недвусмысленно заявлявший о себе.

— ...Извращенец! — Е Цзинли дернулся, словно обжегшись, хотя между ними была одежда, и невольно понизил голос: — Мы же просто разговаривали! Меньше часа прошло, а ты уже дважды возбуждился! Ты что, реагируешь на голос?!

— Хочешь проверить?

Воспользовавшись тем, что Е Цзинли дернулся, пытаясь приподняться, Ли Цзинчэнь быстро склонился и прикусил его обнажившуюся кадык. Кончик языка, легкое касание зубов — движения были настолько чувственными и волнующими, что Е Цзинли моментально покраснел и сбивчиво задышал.

Из-за того, что он был занят подобными ласками, речь Ли Цзинчэня звучала невнятно, но Е Цзинли все равно легко уловил насмешливые нотки:

— У тебя отличный голос. В постели...

— Заткнись.

Е Цзинли сжал зубы, чувствуя, как уши предательски горят:

— Мы опоздаем!

— Стесняешься?

Ли Цзинчэнь поднял голову и, не в силах удержаться, еще раз чмокнул покрасневшую кожу, в его голосе слышались смех и поддразнивание.

— Нет, я спешу на представление!

Встретившись взглядом с его сердитыми глазами, Ли Цзинчэнь рассмеялся и ослабил хватку:

— В какую больницу?

— Ты тоже поедешь?

Встав на ноги, Е Цзинли свысока посмотрел на мужчину на диване и приподнял бровь.

— Раз уж спектакль начинается, как же зрителям пропустить самое интересное?

Ли Цзинчэнь откинулся на спинку дивана, приняв весьма расслабленную позу.

— Самое лучшее представление. Можешь приехать после занятий, возможно, еще успеешь к кульминации. — Е Цзинли бросил взгляд на его все еще не успокоившуюся часть тела и усмехнулся: — Не собираешься с этим разобраться?

— Обычно я просто терплю.

Ли Цзинчэнь взглянул на все еще возбужденный участок тела и ответил с улыбкой.

Е Цзинли быстро прикинул путь к отступлению и, пока Ли Цзинчэнь смотрел вниз, внезапно набросился на него и впился зубами в шею.

— Терпи дальше, великий извращенец!

— Что вы сказали?!

Едва врач закончил фразу, Ли Хаотянь не сдержался и бросился вперед, намертво вцепившись ему в лацканы халата.

— Господин! Прошу, успокойтесь!

Подоспевшие медсестры и врачи наконец отцепили Ли Хаотяня от доктора.

— Беременная все еще без сознания, обследование показало, что с плодом все в порядке. Не нужно так волноваться, она просто переутомилась и находится в состоянии сильного стресса, ей нужно как следует выспаться.

Миниатюрная медсестра терпеливо объясняла все взбешенному Ли Хаотяню. Она не раз видела это лицо в новостях и, хотя испытывала неприязнь, не хотела связываться с таким человеком.

Ли Хаотянь сверлил медсестру взглядом, ошарашенный словами о беременности.

Радость от того, что он скоро станет отцом, не успела даже зародиться, как ее тут же вытеснило другое чувство.

Ань Цзинь беременна, но кто отец ребенка — сейчас уже никто не мог сказать наверняка...

Ярость мгновенно заполнила грудь. Ли Хаотянь резко обернулся и впился свирепым взглядом в Юнь Мотяня, который стоял в стороне, ошеломленный новостью. Лишь огромным усилием воли он удержал себя от того, чтобы не устроить здесь еще одну сцену, подобную той, что была на помолвке.

В отличие от противоречивых чувств Ли Хаотяня, в душе Юнь Мотяня царила лишь чистая ярость.

Потому что он прекрасно знал: этот ребенок не от него.

Три месяца...

Три месяца назад они с Ань Цзинь еще даже не были вместе...

Юнь Мотянь сделал глубокий вдох, подавляя гнев, готовый вырваться наружу. Ли Хаотянь стоял прямо рядом, и он не мог позволить себе выдать хоть каплю своих эмоций. Если тот что-то заподозрит, то непременно узнает, что те фотографии были подделкой. Ему было плевать, что подумает Ли Хаотянь, но если Ань Цзинь узнает, что это его рук дело...

С невероятным усилием взяв себя в руки, Юнь Мотянь благодарно улыбнулся медсестре и хрипло спросил:

— Моя невеста... когда она придет в себя?

— Ваша невеста? — медсестра удивленно округлила глаза и посмотрела на багрового от ярости Ли Хаотяня. — Это...

— Думаю, скоро очнется. Можете подождать в палате, — опытный врач прервал назревающее замешательство и, кивнув, увлек медсестру за собой.

В подобные дела им лучше не вмешиваться.

Ресницы Ань Цзинь дрогнули, и она медленно открыла глаза. Мир постепенно обретал четкость, и первым человеком, которого она увидела, был...

Ли Хаотянь?!

Ее потухшие глаза внезапно вспыхнули. Она неотрывно смотрела на Ли Хаотяня, возвышавшегося над ней, и ее дыхание участилось от волнения. После помолвки она видела его впервые...

Вспомнив, как он игнорировал ее последние два месяца, она почувствовала острую боль в груди, и к ней вернулось осознание реальности.

Она перевела взгляд на Юнь Мотяня, стоявшего с другой стороны.

Словно не заметив странной реакции Ань Цзинь, Юнь Мотянь поправил ей одеяло и с нежностью коснулся ее бледного лица:

— Знала ведь, что беременна, и все равно бегаешь куда попало. Хорошо, что все обошлось, иначе...

— Беременна?! — Ань Цзинь широко открыла глаза от изумления и, забыв прервать Юнь Мотяня, инстинктивно бросила взгляд на Ли Хаотяня.

Ли Хаотянь не придавал этому взгляду иного значения — его лишь до крайности раздражали услужливые и интимные жесты Юнь Мотяня. С мрачным видом он шумно выдохнул и направился к выходу.

Он бросил совещание и примчался сюда по первому звонку, чувствуя себя полным идиотом. Ань Цзинь... даже неизвестно, от кого этот ребенок...

Дверь распахнулась, и на пороге показался человек, который как раз собирался постучать.

Е Цзинли опустил руку и моргнул:

— Хай.

Узнав, кто перед ним, Ли Хаотянь помрачнел еще сильнее. Он, конечно, знал Су Юя и был наслышан о том, что они с Ань Цзинь — друзья детства и бывшие женихи. Но что он делает здесь?

Его мысли тут же переключились на ребенка в чреве Ань Цзинь, и Ли Хаотянь нахмурился.

Словно получив пощечину, он обернулся и посмотрел на Ань Цзинь с нескрываемой насмешкой.

Прекрасно. Беременна, а отцов — целых три.

Просто замечательно.

Приняв стакан воды из рук Юнь Мотяня, Ань Цзинь уже хотела сделать глоток, как краем глаза заметила, что Ли Хаотянь обернулся.

Ее настроение, только что бывшее на нуле, мгновенно взлетело вверх. Она напряглась, с надеждой глядя на него.

Однако радость в ее глазах сменилась оцепенением, когда она увидела за спиной Ли Хаотяня Су Юя.

Воспоминания, словно насильно, вернули ее в тот неловкий и унижительный момент несколько часов назад. Ань Цзинь сжала стакан так, что побелели костяшки пальцев.

Она отчетливо помнила, как спешно прощалась, как тяжело было уходить из клана Су и как в глазах потемнело прямо перед воротами...

Потеря сознания...

Потухший взгляд Ань Цзинь вновь вспыхнул, она с восторгом посмотрела на Су Юя:

— Су Юй... это... ты привез меня в больницу?

Это ведь он! Конечно, он!

После того как она обратилась с такой нелепой просьбой, увидев, что она без сознания, он все равно первым делом привез ее в больницу и оставался здесь все это время...

Ань Цзинь почувствовала, как к горлу подкатил ком, а глаза застлало пеленой. В этот миг вся неприязнь и скрытая обида на клан Су окончательно развеялись. Остались лишь глубокое чувство благодарности и невыразимое сожаление и стыд за то, что она потеряла.

Проходя мимо Ли Хаотяня, Е Цзинли зафиксировал каждую эмоцию на лице Ань Цзинь. В душе у него не шелохнулось ничего, кроме холодного презрения.

Раскаяние, стыд, извинения.

Все это — самые бесполезные чувства.

Он не настоящий Су Юй. Настоящий Су Юй, кроме насмешек, обид и предательства, никогда не получал от Ань Цзинь ничего. Даже прямого отказа.

— Нет.

Е Цзинли, словно не замечая надежды и благодарности в глазах Ань Цзинь, нахмурился и, бросив взгляд на Ли Хаотяня и Юнь Мотяня, которые сверлили его глазами, холодно произнес:

— Ты упала у ворот. Я просто не хотел лишних проблем.

Теперь, когда ее сердце было переполнено верой в доброту Су Юя, Ань Цзинь даже после его слов была уверена, что он просто упрямится.

Су Юй, который так добр к ней... даже оправдание придумать не может. Как она могла раньше думать...

— Довольно!

Ли Хаотянь с силой ударил кулаком по стене. Невыносимое чувство унижения жгло его изнутри, и подавляемый гнев больше не поддавался контролю.

Ань Цзинь, которая хотела еще что-то сказать, вздрогнула, и часть воды из стакана пролилась на одеяло, оставив темное пятно.

— Как ты можешь быть такой бесстыдной?!

Гнев в глазах Ли Хаотяня, казалось, вот-вот выплеснется наружу. Отношения Ань Цзинь и Су Юя раньше были лишь смутной догадкой, но, увидев, как она сияет при виде своего «любовника», он почувствовал, что на его голове не просто рога, а целое пастбище!

Столкнувшись с такими беспощадными обвинениями, Ань Цзинь судорожно вздохнула и инстинктивно возразила:

— Что ты такое говоришь?!

— Я говорю чушь? — Ли Хаотянь чуть не рассмеялся от ярости. Он ткнул пальцем в лицо Ань Цзинь, его лицо исказилось: — Тогда скажи мне, чей это ребенок?!

Ань Цзинь затаила дыхание. Под градом его криков она лишилась дара речи.

— Я! Юнь Мотянь! Су Юй! — Ли Хаотянь, казалось, хотел выплеснуть весь гнев, накопившийся в груди. — Кто еще? Кто еще отец этого ребенка?!

Кто еще?

Ань Цзинь крепко вцепилась в стакан. Слова Ли Хаотяня были словно острый нож, вонзившийся в самое сердце.

Она хотела сказать, что никого нет, что ребенок от него, но под насмешливым и полным отвращения взглядом Ли Хаотяня поняла, что не может этого произнести.

Потому что он... не поверит.

Е Цзинли, засунув руки в карманы, прислонился к стене, с интересом наблюдая за вспышкой гнева Ли Хаотяня.

Что он только что сказал?

Отец ребенка?

— Ребенок мой.

Холодный, бесстрастный голос Юнь Мотяня нарушил неестественную тишину.

Е Цзинли приподнял бровь и посмотрел на него.

Не отрывая взгляда от пятна на одеяле, Юнь Мотянь говорил так, будто это его не касалось:

— Ань Цзинь — моя невеста, и ребенок мой. К тебе это не имеет никакого отношения.

Сказав это, Юнь Мотянь поднял голову. Его спокойный взгляд скользнул по Е Цзинли, но в конце концов остановился на Ли Хаотяне.

Под внешним спокойствием кипела ярость. И еще — пугающее беспокойство и подозрение.

Ребенок Ань Цзинь от Ли Хаотяня, но почему она тайком сбежала утром к клану Су?

Почему потеряла сознание и попала в больницу?

И этот взгляд Ань Цзинь... ее чувства к Су Юю...

В душе роились тысячи вопросов, но, едва они подступали к горлу, он их проглатывал.

Нельзя.

Стоит задать эти вопросы, и Ань Цзинь поймет, что он в ней сомневается. Он уже однажды обидел ее, сейчас нельзя.

Юнь Мотянь взял Ань Цзинь за холодную руку. Почувствовав ее удивление, вину и невысказанные вопросы, он лишь еще больше засомневался, но не смог произнести ни слова.

Он должен верить Ань Цзинь.

Верить...

Но семена сомнения и тревоги уже были посеяны и прорастали с немыслимой скоростью.

— Ко мне не имеет отношения?! — Ли Хаотянь, словно только что придя в себя, громко расхохотался: — Три месяца назад Ань Цзинь была со мной, и ты говоришь, что ребенок не имеет ко мне отношения?!

— Гордишься тем, что изменила? Ублюдок...

— Довольно.

Холодный голос прозвучал прямо над ухом, мгновенно прервав поток оскорблений, вырвавшихся у Ли Хаотяня в порыве ярости.

Е Цзинли пресек дальнейшие, еще более грязные слова Ли Хаотяня, его брови были нахмурены.

Ли Хаотянь тяжело дышал, подобно обезумевшему зверю, готовому разорвать любого. Он с налитыми кровью глазами уставился на Е Цзинли, который его перебил.

— Тебе стоит взглянуть в зеркало, — Е Цзинли смотрел на него с леденящим душу презрением, не скрывая насмешки, словно перед ним был какой-то анекдот. — Этот пример глубокой любви, господин президент Ли, который, будучи обманутым, примчался сюда по первому звонку.

В глазах Е Цзинли читались явный интерес и издевка:

— Ты сам-то веришь в ту глубокую привязанность, которую выдумал? За те месяцы, что ты был с Ань Цзинь, сколько у тебя было женщин? Помнишь хоть?

— Вилла, в которую три месяца назад въехала Бай Циньтин, до сих пор оформлена на твое имя!

Е Цзинли бросил взгляд на побледневшую Ань Цзинь и снова посмотрел на ошарашенного Ли Хаотяня, усмехнувшись:

— Ты и впрямь считаешь себя хорошим парнем? И правда думал, что, нацепив маску глубоко влюбленного, обманешь Франсиса? Заставишь его поверить, что ты ответственный мужчина?!

В один миг, словно сорвав маску приличия, Ли Хаотянь сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони.

Тайны, которые он так тщательно скрывал, были раскрыты в такой обстановке. Он смотрел на Е Цзинли, и внутри него бушевали паника, неловкость, ненависть и ярость, готовые поглотить его целиком.

— Да кто ты такой?! Обычный избалованный мажор! Какое ты имеешь право!

— Будь повежливее, когда говоришь со старшими.

Холодный, властный голос раздался из коридора. Ли Хаотянь, которого прервали на полуслове, застыл.

Е Цзинли, услышав этот голос, выпрямился, его выражение лица сменилось с презрительного на довольное, на губах заиграла улыбка.

— Не знаю, как вышло, что воспитание клана Ли дало такой результат, — Ли Цзинчэнь появился в дверях палаты. Сначала он внимательно оглядел Е Цзинли — убедившись, что тот в порядке и улыбается, он слегка расслабился, а затем перевел взгляд на помрачневшего Ли Хаотяня. — Лицемерный, жестокий, распутный, играющий браком ради выгоды, близорукий...

Ли Цзинчэнь без обиняков разнес Ли Хаотяня в пух и прах:

— Что для тебя значит репутация клана Ли? Ты думаешь, ее можно топтать как хочешь? Или ты всерьез веришь, что все твои дела безупречны?

— Довольно!

Ань Цзинь, не выдержав, швырнула стакан на пол. Громкий звон разбитого стекла разнесся по всей палате.

Дрожащим взглядом она смотрела на Ли Хаотяня, на его покрасневшие глаза и лицо, искаженное от унижения. В ее душе боролись чувство мести и невыразимая жалость.

Да, жалость.

Даже услышав от Су Юя, что Ли Хаотянь, будучи с ней, постоянно менял женщин и даже спал с той, кого она считала лучшей подругой, она не могла смотреть, как его унижают.

Она ненавидела его, но в глубине души, пока ничего не доказано, она продолжала обманывать

себя, пытаясь защитить эти безнадежные и постыдные чувства.

— Недовольно.

Ли Цзинчэнь, словно не слыша звона стекла, холодно повернулся к Ань Цзинь, которая сидела на кровати, заливаясь слезами.

Его ледяной взгляд был пугающим. Под этим взглядом Ань Цзинь почувствовала себя ничтожной, раздражающей пылинкой и мгновенно закрыла рот.

— Госпожа Ань, — произнес Ли Цзинчэнь монотонным голосом, обращаясь к ней как к безжизненному объекту. — Оставим Ли Хаотяня в покое. Как профессор, читавший вам несколько лекций, я дам совет: следите за своим поведением. Распыление чувств ни к чему хорошему не приведет, кроме того, что вы останетесь у разбитого корыта.

Каждое бесстрастное слово было словно удар, нацеленный прямо в сердце. Смысл был завуалирован, но Ань Цзинь почувствовала, как перед всеми ее внутренний мир вскрыли ножом, оставив кровавую рану.

В этот момент она внезапно поняла, что чувствовал Ли Хаотянь.

Связи на стороне, бесстыдство, распущенность...

Нет.

Я не такая.

Ань Цзинь открыла рот, чтобы возразить, но хаотичные воспоминания, нахлынувшие в голову, лишили ее дара речи.

Смятение, блаженство, падение, разрядка, утешение, страсть, безумные ласки... кадр за кадром.

С Ли Хаотянем.

С... Юнь Мотянем.

Будучи с Ли Хаотянем, она грезилась о Су Юе и испытывала симпатию к Юнь Мотяню.

Будучи с Юнь Мотянем, она тосковала по Ли Хаотяню...

Более того, еще сегодня утром она планировала использовать былое доверие, чтобы бесплатно получить технологии клана Су...

Она...

Ресницы Ань Цзинь дрогнули. Ее взгляд упал на собственные руки, которые она не могла перестать дрожать.

Вскрыв свой кровавый внутренний мир, она спросила себя: любила ли она хоть кого-то на

самом деле?

Профессор Ли великолепен!

Е Цзинли смотрел, как за окном машины быстро пролетают пейзажи. Машина ехала плавно, без единой тряски, совсем не отражая бурю эмоций, бушевавшую внутри него.

Ай-я, наш дорогой профессор Ли только что был просто чудо как хорош!

<http://bllate.org/book/21656/2234775>